

В. П. Адрианова-Перетц также объясняет тем, что эти выражения автор данной «вставки» нашел у Софонии.¹ Образное выражение «и отскочи поганый Мамай серым волком от своея дружины» она выводит из устных источников, игнорируя «Слово о полку Игореве» с его «въврѣжеса [Игорь] на бръзъ комонь, и скочи съ него бусымъ [т. е. серым] в лѣкомъ», «тогда Влур в лѣкомъ потече», «[Боян] растекашется... сѣрымъ вѣлком по земли».

По наблюдению Д. С. Лихачева, эпизод о бегстве Мамаю находится в тесной композиционной связи со «Словом о полку Игореве». Изображение бегства Мамаю «резко отлично» от изображения бегства Игоря из плена; бегство Мамаю в конце рассказа о Куликовской битве в композиционном отношении «явно противопоставлено бегству Игоря в конце Слова».²

Таким образом, включение этого эпизода в первоначальный текст «Задонщины» было необходимо, так как это соответствовало общему идейному замыслу автора. Все это лишний раз говорит за то, что в оригинале «Задонщины» эпизод бегства Мамаю был.

Большую часть заключительной речи великого князя на поле битвы В. П. Адрианова-Перетц также считает лишь «стилистическим распространением отдельных образов Задонщины». Она говорит, между прочим, что по типу «писания Софонии» редактор пересыпает речь великого князя постоянными обращениями — «брате» и т. п., но что «Софония никогда так не злоупотреблял этим приемом, как это делает редактор».³ А между тем, в центральной части «Задонщины», бесспорно — по В. П. Адриановой-Перетц — принадлежащей Софонии, читаем: «Седлай, брате Ондрей, свои борзыи комони, а мои готовы... [Выедем], брате, на чистое поле, посмотрим своим польков, толко, брате, князь Дмитриеи, с нами».⁴ Есть и другие подобные места. В. П. Адрианова-Перетц приводит также ряд поэтических оборотов заключительной речи великого князя, в которых видит повторение образов «Задонщины» книжником-редактором.⁵ Но почему нельзя видеть в этих оборотах заключительной речи таких же отголосков «Слова», какие мы видим в соответствующих выражениях центральной части «Задонщины», даже если между ними и есть некоторые отличия в оттенках? Почему это не могут быть такие же авторские самоповторения, какие мы видим и в «Слове о полку Игореве»?

Мне кажется, что известная разница в стиле и поэтической фразеологии между центральной частью «Задонщины» и ее вступлением, заключением и некоторыми отдельными эпизодами, конечно, есть, но она не так велика, чтобы непременно надо было ставить вопрос о другом авторе этих частей, создавшем новую, вторую редакцию повести. «Слово о полку Игореве» было основным, самым мощным и действенным, но не единственным источником для автора «Задонщины» в ее первоначальном виде. «Книжник» Софония, как его обычно квалифицируют, не чужд был и народному творчеству, элементы которого — не восходящие к «Слову о полку Игореве» — отчетливо отражены в ряде мест «Задонщины»; но этот «книжник» прежде всего был человеком, начитанным в литературе своего

¹ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игоревим» і «Задонщина», стр. 175

² Д. С. Лихачев. Задонщина. «Литературная учеба», 1941, № 3, стр. 92.

³ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игоревим» і «Задонщина», стр. 176; далее следует несколько примеров из заключительной части.

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игоревим» і «Задонщина», стр. 181.

⁵ Там же, стр. 176.